

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Трагедия в 4-х действиях и 7-ми картинах

Время действия – 1567 год. Осень.

Места действия:

- Д.1, карт.1. Ратный стан на ливонской границе.
- карт.2. Горница в доме Челяндина в Москве.
- Д.2, карт.3. Сад при доме Челяндина.
- карт.4. Царская палатка в ратном стане.
- Д.3, карт.5. Столовая в доме Челяндина.
- Д.4, карт.6. Красная площадь в Москве.
- карт.7. Александровская слобода.

Действующие лица:

- Царь Иван Грозный.
- Мария Темрюкова, жена его.
- Боярин Челяндин, Иван Петрович.
- Булгаков; Курцов – бояре.
- Митрополит Филипп.
- Анастасия – дочь Челяндина.
- Сокол – молодой опричник.
- Иван Козел – ополяченный русский дворянин.
- Локк – инженер, англичанин.
- Князь Старицкий.
- Микула, Рудак – сторожа в доме Челяндина.
- Мамка Анастасии.
- Опричники, пушкари, воеводы, ратные люди, заговорщики, народ на площади, духовенство, слуги.

А К Т П Е Р В Ы Й

К а р т и н а 1 – а я

Стан русского войска на литовской границе. Бравые пушкари начищают пушки, готовясь к царскому смотру. Поют свою пушкарскую песню.

Запевало.

Нету города
Москвы первой.
Нету слободки
пушкарской зеленой.

Хор. Нет молодок
наших добрей.
Эй, Москва,
пушкарская слободка, –
зеленая листва
и добрая молодка.

Запевало Нету рати
русской сильней.
Нету пушек
русских верней.
Эй, сзывайте
в поход пушкарей!

Хор. Прощай, Москва,
пушкарская слободка,
зеленая листва
и добрая молодка.

Запевало Нету боя
пушкарского грозней..
Нет победы
нашей полней.
Эй, ждите со славой
назад пушкарей!

Хор. Жди, Москва,
пушкарская слободка,
зеленая листва
и добрая молодка!

Под гром литавр и бубнов появляется царь в окружении блестящей свиты. Тут князь Старицкий, воеводы, приближенные-опричники и английский инженер Локк. Царь весел, оживлен. Внимательно оглядывает пушки и стоящих около них пушкарей.

Иван. *(обращаясь к англичанину Локку)*
Глянь, мастер Локк,
мы отливать
какие
наострились
пушки!

Локк. И в столь короткий срок!
У всех соседей ушки на макушке.

Иван. На то он и сосед: –
что нам добро, – ему во вред!

Локк. Писал нам в Лондон польский круль: –
Зря русским помогаете.
Метанью ядер и пуль
зря русских обучаете.
Москаль на выдумки хитер.
Москаль прорвется на простор,
и нас сметет,
и нас побьет.
Вы русских плохо знаете.

Иван. От стен Кремля до балтских вод
прямой проложен шлях.
Он русских к морю приведет

и кто удержит этот ход?!
Ни швед, ни финн, ни лях.
Не так ли, друг пушкарь?
Пушкари. Вестимо так,
великий государь!
Иван. *(к Локку)*
И в деле этом Лондон нам поможет.
Локк. *(с поклоном)*
В обмен на льготы в пошлине таможенной.
Иван. *(с усмешкой)*
Мол, –
помогу
чем могу
за наличную деньгу.
Что ж!
Для хороших торгашей
не пожалеем грошей.
Торговый договор скрепим.
А чтоб рука сжимала крепче руку
(к пушкарям),
покажем
нашу
им
пушкарскую науку!

По знаку царя начинается смотровая стрельба из пушек.

Иван. *(обращаясь к своей свите)*
И вам, высокие особы,
стрельбой заняться хорошо бы.
Плохой в том воеводе толк,
которого умней его же полк.
(с увлечением)
Прошла пора булатного меча, –
пора удара со всего плеча.
Теперь остри не меч, а ум
и в бой не суйся наобум.
Враги хитрят, –
а ты хитрей.
Враги сильны, –
а ты сильнее.
Не так ли, друг пушкарь?
Пушкари. Вестимо так,
великий государь!

Из группы, окружающей царя, выходит вперед молодой опричник.

Сокол. О, царь!
В ответ твоим речам
дозволь
уменье показать перед тобою.
Я у пушкарских слободчан
учился огневому бою.

Могу стрелять ядром и дробом, –
в прямую метить и высоко...
Иван. Вот так! –
Пример вам дуболобым.
Ты кто такой?
Сокол. Опричник Сокол!

По знаку царя Сокол подходит к пушке и показывает свое уменье.

Иван. Ну, молодец! –
Царя порадовал.
Любую выбирай награду.
Сокол. О, царь!
Твоя хвальба равна любой награде, –
но если надо, –
пошли меня в Москву
хоть на день,
на два.
Иван. *(раздумчиво)*
Смысл этих слов
проверен веками: –
«воин суров,
да сердце не камень».
(к Соколу дружески)
К Челяндину поедешь
с вестью ратной.
Дождись ответа,
и обратно.

Царь увидел подошедших священников. Снял шлем. Перекрестился.

Иван. Приступим, братья!
Господу послужим.
Молитвой освятим оружие.

Начинается молебен. Попы кропят пушки святой водой.

Попы. Господь всемогущий!
Обрати к нам
милостивые взоры свои.
На страх супротивникам
оружье наше благослови.
Иван. Приступим, братья!
Все. Аминь!

Царь замечает среди молящихся человека в нерусской одежде.

Иван. А этот кто молодчик?
Старицкий. Из Польши переметчик.

Иван разглядывает переметчика.

Иван. Ишь, вырядился!
Смех!

Ты немец?
Или чех?
Аль лях ты
из мелкой шляхты?
Переметчик. Великий царь,
по виду не суди.
На мне камзол заморский, узкий,
но я душой остался русский
и сердце русское в груди.
Дружинник я. Иван Козел мне кличка.
Меня в Литву князь Курбский свез...

Иван. *(в гневе)*
Не князь он! Вор, предатель, пес!

Козел. Прости!
Обмолвился.
Холопская привычка.

Иван пристально вглядывается.

Иван. Ты что ж,
один?
Иль за тобою следом
твой господин?

Козел. Один.
Его мне замысел неведом.

Иван. *(с саркастическим недоумением)*
Ушел за рубежи.
Обрел покой души
с врагом соседом.
А мы нехороши.
(резко к Козлу)
А чем нехороши,
не рассказывает?

Иван. *(с гневом)*
Говори, Козел!
коль царь приказывает

Козел. *(как бы с трудом подчиняясь царскому окрику)*
Он говорит: –
ты, царь, боярский ум отверг
и все дела один вершишь...

Иван. А Курбский нам пример:
сей ум на то хорош,
чтоб родину продать за грош.

Козел. Он говорит:
ты, царь, невинных судишь грозно.
Опричнину завел...

Иван. Завел, –
да поздно!
а то бы Курбский не ушел.

Козел. Он говорит:
война с ливонцами Руси не в прок.
Путь верный –
не на Запад, –

Иван. на Восток!
 Не диво речь такая.
 Врагам Руси пес Курбский потакает!
(вдохновенно)
 А мы жизнь отважим
 на буйный спор.
 Речам вражьим
 наперекор!

Пушкари. Не так ли, друг пушкарь?
 Вестимо так,
 великий государь!

Иван. *(князю Старицкому)*
 В Москву его!
 Под стражей!
 Пускай Челяндину про Курбского расскажет.

Царь со свитой удаляется. К Козлу подходит князь Старицкий. Ведут разговор вполголоса, не глядя друг на друга.

Козел. Тайное слово: «Меч».
Старицкий. Отзыв?
Козел. «Смерть».
Старицкий. Что везешь?
Козел. Короля Сигизмунда ответ.
Старицкий. Да или нет?
Козел. Да!
Старицкий. Челяндин – наш.
 Ему передашь.
(Громко к страже)
 Эй, сюда!
 В Москве Челяндину сдадите,
 лично,
 на дому.
 А ежели за ним не уследите, –
 голову сниму!

З А Н А В Е С

А К Т П Е Р В Ы Й

К а р т и н а 2 – а я

Горница в доме боярина Челяндина в Москве. Челяндин, Курцов и другие заговорщики.

Челяндин. Кого еще свезли?
Курцов. Куракиных,
 Андрея и Степана.
 У них под тыном

Челяндин. труп опричника нашли.
Убили спьяна.
Курцов. Еще кого?
Челяндин. Бугурлина Егора.
Курцов. За что?
За скрытие людей от ратного набора.

В горницу входит взволнованный Булгаков.

Булгаков. Ну, дожили!
Уж некуда боярину податься.
Некуда бежать.
Кашкарова схватили
с чадами и домочадцами, –
у самого,
у польского,
у рубежа.
Сбежался народ.
Топоры подняли.
Орет сброд:
«Родину продали!»
«Царя предали!»
«С врагом сведались!»

Курцов. *(злбно)*
Родина... народ...
Слова пустые,
звон.
Где власть **моя**,
где **мне** почет и слава,
где **мой** закон,
мой суд,
моя расправа, –
там родина **моя**,
там **мой** народ!

Все. Там наша родина!
Там наш народ!

Челяндин. Когда господь земную твердь крепил,
не на одном, а на семи столпах он землю утвердил.
Семь тысяч лет незыблемо поныне
на тех столпах стоит земли твердыня.
Земли московской мы столпы и твердь.
Подломимся, - Москве погибель, смерть!
Деды и отцы
рублем и в драках
вотчины стяжали себе.
Свое ли отдадим опричникам-собакам,
дворянской голытьбе?!

В сечах половецких,
в боях суровых
наследный меч,
как молния, блистал.
Уступим ли ласкателям царевым
свои в строю исконные места?!

Неужто мы, –
княжата, господа! –
под черное ярмо
крутые склоним выи?
Мы – именитые,
мы столбовые?

Все. Не склоним!
Не уступим!
Никогда!

Входит слуга.

Слуга. С грамотой гонец
из стана государева!

По знаку Челяндина слуга впускает Сокола.

Челяндин. Здорово, молодец!

Сокол. Желаю здравия!

Челяндин. Какие вести?

Всё ли есть?

Все ли на месте?

Сокол. *(С задором)*

Поднял знамена

русский народ.

Войско готово

в бранный поход.

Трубы начищены.

Бубны подкручены.

Седла прилажены.

Кони быстры.

Пушки пристрелены.

Копья отточены.

Луки натянуты.

Стрелы остры.

Выйдет в поле

великая рать

новую славу

себе добывать.

Челяндин прочитывает переданную ему Соколом царскую грамоту.
Булгаков и Курцов угрюмо косятся на опричника.

Челяндин. Царь пишет:
Пушки подвези.

Вот и вези их
по грязи.

Сокол. Свезем!

А не свезем, –
на спинах донесем!

Челяндин. *(мрачно)*

Ишь выискался,
чудо-богатырь.

Сокол. Ступай!
 А пушки где же?
Челяндин. За них отвечу я,
 не ты, – невежа!
Сокол. *(запальчиво)*
 Не дашь, –
 возьмем силком.
 В набат ударим.
Челяндин. Ты что?
 Запугивать меня?
 Вон!
Сокол. *(дерзко)*
 Эй!
 Полегче, барин!
 не те теперь времена!

Сокол быстро выходит. Мрачная пауза. Челяндин ударяет кулаком по столу.

Челяндин. Хватит!
 Нечего ждать!
 Время пришло
 за себя постоять,
 за боярское дело,
 за боярскую статью!

В дверях митрополит Филипп.

Филипп. Мир вам,
 мужи прославленные –
 господа нашего слуги православные!
Все. *(с глубоким поклоном)*
 Аминь!
Филипп. Ну, что?
Челяндин. У нас готово.
Курцов. Пушки припрятаны.
Булгаков. Чернь подкуплена.
Курцов. Ждут зова
 наши
 по уделам.
Челяндин. Первым делом
 опричнуг перебить.
Булгаков. Царя схватить,
Курцов. и удушить, –
Челяндин. и выйти на амвон к народу:
 Мол, царь, дьяволу в угоду,
 в святом писании изверясь,
 на богомерзкую поддался ересь,
 и богом убиен
 за грех,
 за скверну!
Филипп. *(раздраженно)*
 Не так!
 Неверно!

Царь Иоанн душой благочестив и богомолен,
и жив в смиренном сердце божий страх,
и ясен ум,
и светел дух –
доколе
в святой молитве царь чело склоняет в прах.

(резко)

Но кончена молитва.
Встал.
И сразу –
меркнет горный свет.
Дух вздыблен.
Тмится разум.
И в сердце бога нет.

(зловеще)

Шепчут бесы
мерзкие речи:
«Сильнее небесного
«царь человеческий».
Дышит злобой
бесовская сила:
«Пробуй,
что было бы,
если бы было
не так,
как было».

(гневно)

И царь,
богом себя возомнив,
шатает царство в бесовской затее.
Заревом крашены ночи и дни.
Древние грады пустеют.
Стоны, плач:
«Царь – палач!»

(сразу торжественно)

Но если
вдруг
с церковных колоколен
услышит благовест, –
еще безумьем обуян, –
он склонится,
он вновь благочестив и богомолен,
господний раб,
смиренный Иоанн.

Челяндин.

(в страхе)

Страшней неверия такая вера: –
и богу воскресенье
и чорту сера!

Булгаков.

Царь – оборотень!

Курцов.

Чур!

Все.

Аминь, аминь,
рассыпья!

Сгинь!

Внезапно из двери, ведущей во внутренние покои, появляется Иван Козел. Он приоделся, прифрантился. Одет по-польски. Вид важный и развязный.

Козел. Любезным господам привет!

Все испуганы его неожиданным появлением.

Челяндин. *(объясняя)*

Гонец.

Привез от короля ответ.

Все.

Почтенье, пан.

Челяндин.

Узнать дозволю,
что говорит король.

Козел.

(принимая величественную позу)

Король, светлейший Сигизмунд,
изволил передать,

что он

бояр московских бунт

согласен поддержать.

Начните смело,

царь пока находится не тут.

И тотчас польские войска

в Московию войдут.

В несчастной видя вас судьбе

он вам помочь готов.

За это требует себе

он

Полоцк,

Новград,

Псков.

Король не спорит,

чтоб Иван

был свергнут и убит, –

и чтоб на царство был венчан

любой,

кто родовит.

Но дабы не было обид,

пусть вольный выбор сей

единогласно утвердит

Литовско-Польский сейм.

На этих пунктах

мы и вы

наш закрепим трактат.

Союзу Польши и Москвы

виват! ура! виват!

Пауза. Все смотрят на Филиппа.

Филипп. *(сумрачно)*

Постой, –

негоже

Челяндин. святыни Новграда и Пскова
 сдавать католикам.
 А нам заботиться чего же?
 Святыни те,
 и люди там –
 чужие:
 мы – русские,
 они – пскопские.
Филипп. Но духом православным те же.
Челяндин. Да где же?!
 И духом разные:
 мы люди земские,
 они – лабазные.
Филипп. Господи боже!
 Ты нам поможешь
 дело правое
 кончить со славою.
 А если в чем греховное содеем, –
 не нас вини,
 вини царя-злодея.
Все. Аминь!

З А Н А В Е С

А К Т В Т О Р О Й

К а р т и н а 3 – я

Сад при доме Челяндина в Москве. Беседка. Входят весело настроенные Челяндин и Козел.

Челяндин. А теперь, любезный пан,
 выпьем меду
 полный жбан.
Козел. Для такой оказии
 не худо бы
 мальвазии.
Челяндин. Даром, что Азия, –
 будет и мальвазия!

По знаку Челяндина слуги приносят вино. Челяндин усиленно угощает Козла. Козел быстро пьянеет.

Козел. У тебя, хозяин, дочь,
 говорят, красавица.
 Если правда, – я не прочь
 лично ей представиться.
Челяндин. Дочка есть – но молода
 для такого случая:
 штукам на немецкий лад
 еще не обучена.

Козел. Хороша? И молода?
Ничему не учена?
Это вовсе не беда, –
это даже к лучшему!

Челяндин. Так потешим знатока
девичьей приманкою.
(к слугам)
Эй – покликайте с теремка
Анастасью с мамкою.

Челяндин продолжает ухаживать за Козлом. В сопровождении мамки входит дочь Челяндина, юная Анастасия, – красивая девушка с открытым, смелым взглядом.

Козел. Очаровательна!
Прелестна!
Клянусь!
Завидная невеста!

Неверными шагами подходит к Анастасии, которая удивленно смотрит на него во все глаза.

Козел. *(жеманясь и ломаясь)*
Позвольте, панна,
мне трубадуром стать
и неустанно
вас всюду воспевать.
У панны очи,
как два огня,
как звезды ночи
среди бела дня.
У панны щечки,
как два пушка,
как на кусточке
два голубка.
А губки панны
медовый цвет, –
благоуханней
в природе нет.
Вся панна, словно
роскошный мак.
Честное слово,
что это так!

Падает перед Анастасией на одно колено. Прижимает руку к сердцу.

Козел. Я влюблен, как мальчик пылкий.
Хоть сейчас же под венец.
Мы союз мечей скрепили, –
мы скрепим союз сердец.
Москва и Польша!
Ты и я!
Иван и Анастасия.

Челяндин. Чего молчишь?
Скажи хоть слово.

Анастасия. Подумай, –
и ответь толково.
(собравшись с духом)
Я глупа и молода.
Что я понимаю?!
Целый день сижу одна.
Сижу и гадаю.
Я сидела у окна.
Думала, гадала.
Не такого жениха
я в мечтах видала.
Грезилось, –
придет жених,
будто в сказке витязь,
станет у дверей моих, –
скажет:
«Выйдь, девица!
Посмотри, каков я есть
видом и душою.
Окажи такую честь, –
стань моей женою».
Даст мне руку молодец.
Мы пойдем с ним под венец.
Будем жить и поживать,
с медом пряники жевать.
(в упор Козлу)
Отвечу пану напрямик.
За правду не гневитесь:
В глазах девчонки
пан – старик,
не сказочный,
не витязь.

Козел, обиженно фыркнув, встает с колен и отходит от Анастасии.

Челяндин. *(сердито)*
Ты что же, –
с гостем вздумала браниться?!
Ступай, негодница,
срамница!

Анастасия с мамкой уходят.

Челяндин. *(Козлу)*
За обиду не сочти.
Девку глупую прости.
Видишь сам уж, –
куда ей замуж!

Достает соболью шапку и дарит ее Козлу.

Челяндин. На!
Бери!

Отборный соболь!
Помни, –
нынче день особый.
А я царем буду, –
тебя не забуду.

Козел берет шапку. Снимает с руки кольцо и передает его Челяндину.

Козел. Возьми кольцо.
Яд
в нем
на случай, если взят
живьем.

Челяндин. *(надевая кольцо, с усмешкой)*
Ну, польский яд
понадобится мне навряд.
Живьем не дамся,
будь покоен.
А мертвому
твой яд, –
на кой он?

Челяндин, обняв пьяного Козла, уводит его. С противоположной стороны осторожно подходит Анастасия. За ней мамка.

Анастасия. *(передразнивая Козла)*
Панна, панна, –
ваши губки.
Панна, панна, –
ваши зубки.
Панна резвый мотылек.
Панна нежный голубок.
Панна так,
и панна эдак, –
и влюбился напоследок.
(хохочет)

Мамка. Тебе все хи да ха.
А призадуматься пора уж.
Коли отец полюбит жениха, –
так и за ляха выйдешь замуж.

Анастасия. Да будь такой урод мне мужем, –
зашла бы в клеть
и петлю затянула б туже,
чтоб уж наверно умереть.

Мамка. Тьфу!
Кто такие речи слушать станет?!
Да что же
на тебе
креста нет?

За высокой стеной сада раздается песня. Поет молодой мужской голос. Это Сокол.

Сокол. Над рекою тихий вечер

звездочкой горит.
Утомился буйный ветер,
за рекою спит.
Ветер, ветер!
Спать не надо.
Мы же заодно.
Прошуми вечерним садом
к милой под окно.
Постучи зеленой веткой.
Знак условный дашь, –
что я жду ее в беседке, –
там же, где всегда.
Краше нет ее на свете!
Вот идет.
Пришла!
Ну, спасибо, добрый ветер.
Спать тебе пора.

Услышав песню, Анастасия бурно бросается на шею мамке и тербит ее.

Анастасия. Няня!
В прятки поиграем!
Мамка. Ладно уж.
Не тормози!

Анастасия убегает в глубь сада, заманивая няньку.

Анастасия. Ау!
Ищи меня, ищи!
Ау!
Ищи!
Ау!
Ищи!
Мамка. Иду!
Ищу!

Няня уходит искать Анастасию.
Через стену сада перелезает Сокол. Оглядывается и садится в беседке на скамью.
Вбегают Анастасия. Они бросаются друг к другу.

Сокол. Здравствуй, милая.
Здравствуй, желанная!
Анастасия. Здравствуй, милый!
Радость нежданная!

Садятся на скамью.

Анастасия. Будто сказка,
сон чудесный!
Ты со мной, моя любовь.
А пугал, что неизвестно,
скоро ль свидимся мы вновь.
Я скучала, тосковала,
ночью плакала тайком, –

чтобы мамка не видала,
 не спросила бы:
 «о ком?»
 Вот сейчас едва сдержалась,
 разболталась языком.
 Ну, еще одна бы малость
 и сказала бы – о ком!
(порывисто)
 Но ты вернулся,
 и не уедешь никуда.
 Не так ли?
 Да?

Сокол. *(нежно)*
 О, милая,
 любимый твой в строю боец
 за честь земли родимой.
 Мы победим, –
 тогда конец!
 Тогда, родная,
 жди меня!

Анастасия. *(покорно)*
 Я буду ждать тебя,
 и плакать о тебе.
 Тебя любя,
 печальной покорюсь судьбе.
(испуганно)
 Но страшно, –
 вдруг отец просватает силком.
 Он речь уже завел обиняком.
 Сейчас показывал мне ляха...

Сокол. *(изумленно)*
 Какого ляха?!

Анастасия. Приезжего.
 Вот натерпелась страха!

Сокол. *(настороженно, в сторону)*
 Лях?
 У Челябиндина?
 Ну чудо!
(к Анастасии)
 Кто он?
 Откуда?

Анастасия. Не знаю.
(брезгливо)
 Лопотал так странно.
 Все «панна, панна».
 Голос сладенький.
 Взгляд гаденький.
 Козлиная борода,
 петушья походка.
(с ужасом)
 А что, коли отец
 велит идти с ним под венец?

Сокол. *(в сторону)*
О ляхе все проведу до дна.
(к Анастасии)
Не плачь, любимая, –
ты – не одна.
(с большим чувством)
Никого не бойся, светлоокая.
Только вспомни обо мне, любя, –
встрепенется чутким сердцем Сокол,
прилетит, –
и выручит тебя.

Сокол нежно обнимает Анастасию. Влюбленные не замечают, что их увидела мамка и, беззвучно ахнув, побежала к дому.

Появляется Челяндин с слугами.

Челяндин ударяет Анастасию плеткой. Она вскрикивает. Мамка уводит ее в дом. Двое слуг, Микула и Рудак, хватают Сокола и вяжут его.

Челяндин. *(вглядываясь в Сокола)*
А-а-а!
Ты-ы-ы!
чудо-богатырь!
Так царь тебя
в Москву гонял
за этим?

Сокол. Я у царя,
не у тебя,
в ответе.

Челяндин. Добре!
(к слугам)
Сведете парня в погреб.
А сами –
назад,
плетей отвежать, –
чтоб сторожили сад,
как следует.

Челяндин, разъяренный, уходит. Микула и Рудак мрачно смотрят хозяину вслед.

Сокол. Чего ж стоите?
Ведите!

Микула. *(угрюмо)*
Куда вести?
Бежать надо.

Рудак. Бежать надо.

Сокол. Что так?

Микула. Не слышал?

Сокол. Слышал.

Рудак. Пороть будут.

Сокол. Слышал.

Микула. На смерть запорют.

Сокол. Бывает.

Рудак. *(с надеждой)*
Бежать надо!

Микула. Некуда!
Рудак. *(соглашаясь)*
 И здесь порют, –
 и там порют.
Вместе. Везде порют.
Сокол. В ратный стан,
 к царю
 бежать надо.
Рудак. А царь не порет?
Рудак. Порет.
 За дело,
 по закону.
Микула. *(в сторону дома)*
 А этот как?
Сокол. А этот –
 без закона,
 по своеволью порет.
Рудак. А служба у царя такая же?
Сокол. Нет, другая.
Микула. Какая же?
Сокол. Здесь ты холуй,
 последний человек –
 холуй навек.
(с воодушевлением)
 А в ратном стане
 все – бойцы.
 Под знамя станешь
 со всеми ты.
 Со всеми вместе
 выйдешь в бой
 за дело чести
 земли родной.
 И если подвиг
 тебе под стать, –
 ты воеводой
 можешь стать.
Микула. Воеводой?
 Вот это – да!
Рудак. Пошли!
Вместе. Айда!

Микула и Рудак освобождают Сокола и все трое, крадучись, исчезают.

З А Н А В Е С

А К Т В Т О Р О Й

К а р т и н а 4 – я

Царская палатка в ратном стане. Идет военный совет. На лавках, покрытых дорогими коврами, сидят: – царь, князь Старицкий, воеводы. Царь раздражен тугим молчанием бояр.

Иван. Так как же,
бояре и вельможи?
поход начнем
или отложим?

Бояре продолжают упорно молчать.

Иван. Чудно!
Без них решишь,
ворчат:
«эх! мы бы!»
А спросишь их, –
молчат,
как рыбы.

Старицкий. Не гневайся, царь-государь!
Нам не впервой
в делах ливонских
совет держать с тобой.
Тебе раздумье наше ведомо.
Боимся, – не было б греха.
Не надо ссоры с западным соседом,
когда грозит нам с юга хан.

Иван. *(с досадой)*
Все та же речь!
Все тот же темный страх!
«Свое б сберечь!»
А дальше не видать впотьмах.

Царь глубоко задумывается. Потом начинает медленно, постепенно оживляясь.

Иван. Была Москва чуть видный огонек в ночи, –
как пламя тихое свечи,
как искра малая в печи.
Дыханьем бережным народ ту искру вздул,
разжег,
взрастил, –
и высоко под небо взвил,
ночным вора на страх,
огонь горячий русского костра.

(гордо)
Всполошились иноземные владыки.
Увидали на Востоке свет.
Там, где в темных пущах
зверь таился дикий, –
крепкий вырос город
на реке-Москве.
Куда ни глянь,
на все четыре стороны
раскинулась Московская земля.
Со всех концов
пути проторены
к твердыням стольного Кремля.

(саркастически)

Научал королей
Римский папа:
«не пускайте москалей
за рубеж на Запад, –
чтобы к нам не лазили,
чтобы жили в Азии
наряду с погаными,
с магометанами.
А еще бы хорошо бы
между ними сеять злобы,
чтоб залить кровию
и Крым и Московию.
Давай! На русского
татар науськивай!
А на татарина
толкай боярина.
А там за ханом хан.
За ханами султан.
За ними кто еще?!
Давай!
Вали!
Чтобы в одном побоище
всех разом месть с лица земли».

(спокойно резюмируя)

Вот хитрость их.
Об этом речь.
Вот от чего нам надо Русь сберечь.

(вдохновенно)

Мы не раззявы,
не растяпы, –
мы на ливонском берегу
на зло надменному врагу
с удара выбьем дверь на Запад.

Старицкий.

Конечно, царь, –
тебе видней.
На то оно царево око.
Но боязно –
от вотчины своей
уйти далёко.

Иван.

(язвительно)

Идти в поход до рубежа
далёко?
А к Курбскому бежать
не далеко?

Бояре.

Не заслужили, царь,
мы
твоего попрека.
Мы говорим,
что на сердце легло.

Старицкий.

А ежели к нам веры нет, –
зачем скликал нас на совет?

Иван.

И впрямь!

Совет затеял зря.
Какой совет?!
Тупая пряха
в надежде с толку сбить царя.
Ступайте!
Завтра на рассвете
в поход ливонский двинем рать.
И тот
мне
головой ответит,
кто славу
не захочет брать!

Все быстро расходятся. Иван остается один. Сидит погруженный в мрачное раздумье.
У входа появляется Мария Темрюковна. Тихо подходит к царю.

Мария. После знойного дня
теплая ночь наступает.
После бури-грозы
радуга в небе сияет.
Буйная дума царя
в гневном сердце стихает,
если в объятьях моих
сердце царя отдыхает.

Нежно обнимает Ивана.

Набежала тень густая
на высокое чело.
Под ладонью тень растает, –
как рукой сняло.
Взор нахмурен, озабочен, –
смотрит вглубь, ушел в себя.
Я губами трону очи, –
очи глянут на меня.
Рот кривится, болью стянут.
Видно, сердцу тяжело.
Я прильну к устам устами,
чтоб от сердца отлегло.

Целует его страстно.

Иван. *(с порывом)*
Улыбкой дрогнули уста,
чуть уловимо.
Но почему улыбка так грустна,
скажи, любимый.
Ты моя радость!
Моя услада!
Ты жизни сок, целебное вино.
Ты здесь –
и сердце бьется жадно,
твоим дыханием напоено.

И если жить пройдет охота,
и в гроб поманит темный скит, –
твоя любовная забота
меня для жизни воскресит.

Жена моя!
Моя Мария!
Моя,
как кровь моя и плоть, –
о, помоги
в минуты злые
души тревогу побороть!

По знаку Марии появляются танцовщицы, танцоры, плясуны, плясуньи, скоморохи, люди разных племен и наций – русские, татары, калмыки, кабардинцы. Сменяя друг друга, они играми и плясками развлекают царя.

Иван постепенно оживляется, находит душевное равновесие. Под конец он уже полон сил, веселья и энергии.

Во время последней пляски, особенно увлекшей Ивана, к нему подходит взволнованная Мария.

Мария. Стоит гонец у входа.
Иван. На то есть воевода.
Мария. К воеводе не идет.
Вести для тебя везет.
Вести тайные,
необычайные.
Из Москвы.
Иван. *(встревожено)*
Тайные?
Из Москвы?
Зови!

Все удаляются. Быстро входит Сокол. Оглядывается по сторонам.

Иван. Ты, Сокол?
Что?
Говори смело.
Сокол. Царь!
Злое дело.
Я проведал ненароком,
что с недавнейшего срока
у Челяндина в гостях
проживает тайный лях.
Я узнал, что этот лях
прислан был от короля, –
что Челяндин с ним подолгу
вел беседу втихомолку.
А челяндинские люди
громко хвастают повсюду:
«Наш Иван Петрович-свет
будет царствовать в Москве.
Вот тогда заживем!
Все по-своему свернем!»
Иван. *(с тоской)*
Так вот измена где!

Недаром плаха снилась
и сердце ныло
к беде!

Уже едва владея собой, кричит.

Эй!
ко мне!

Гремят литавры и набаты. Сбегаются военачальники, бояре, опричники.

Иван. *(к военачальникам)*
Поход отставить!
Ждать меня.
(к опричникам)
А вы – со мной
в Москву!
Коня!

Быстро уходит. За ним опричники.

З А Н А В Е С

А К Т Т Р Е Т И Й

К а р т и н а 5 – я

Столовая в доме Челяндина. За длинными столами, заставленными едой и питьем, сидят дружинники Челяндина и других бояр-заговорщиков, – их боевой отряд. Веселый пир в разгаре. Девки пляшут, разливают вино, развлекают дружинников.

Запевало. Что в ковше?
Хор. Брага.
Запевало. Что в душе?
Хор. Отвага.
 Зелье бражное
 наливай в ковши.
 Всех отважнее
 тот, кто выпивши.
Запевало. Что кипит?
Хор. Кровь.
Запевало. Что томит?
Хор. Любовь.
 Моя всех нежней
 раскрасавица.
 Целоваться с ней
 очень нравится.
 Выходи, пляши.
 Погулять не грех.
 Все мы выпивши, –
 а я больше всех.

Входит Булгаков. Обращается к пирующим.

Булгаков. Эй, тише вы,
орава!
Скажет слово вам
боярин Челяндин,
Петрович-свет Иван.
Все. Боярину почет и слава!
Слава!
Слава!

Появляется Челяндин с группой заговорщиков. Рядом с ним Козел.

Челяндин. Дружина храбрая!
Князей опора верная!
За честь боярскую
готова в бой?
Все. Готовы в бой!
Челяндин. Холопов государевых,
дворянство худородное,
опричнину проклятую
на плаху?
Все. Под топор!
На плаху!
Под топор!
Челяндин. Царя Ивана лютого,
царя – бояр душителя,
царя мужицкого
с Москвы долой?
Все. Долой!
Долой!
Долой!
Булгаков. За царя нового,
своего,
кондового!
Все. Слава!
Слава!
Слава!

Челяндин величественно кланяется. И тут же, – один за одним в столовую вбегают четверо перепуганных слуг.

1-й слуга. По дороге пыль пылит!
2-й слуга. В пыли цокот копыт!
3-й слуга. Скачет горе-беда,
опричников орда!
4-й слуга. С нами бог!
Царь
у крыльца.

Столовая сразу пустеет. Опрокинуты кубки, ковши, чаши. Разлито вино. Один Челяндин стоит недвижим. Быстро входит царь. С ним Сокол и еще несколько опричников. Царь оглядывается.

Иван. А гости где ж?

Изба пуста,
а на дворе коней с полста.
Мы чаяли гульбу застать,
попировать,
коли хозяин не прогонит.
Ан никого.

(Резко к Челяндину)

Челяндин. А чьи же кони?
Царь-государь,
сегодня Дмитров день, –
как встарь, –
отцов и прадедов поминовенье!
Таков был твой указ...
Иван. Похвальное повиненье!
А поминальщики-то где ж?
Иль ты за всех
и пьешь,
и ешь?
Челяндин. Их напугал неожиданный твой приезд.
Иван. А царь – не зверь,
людей не ест.
Челяндин. Не гневайся!
Всех мигом раздобуду!
С дороги отдохни покуда.

Проводит царя в опочивальню. Возвращается. К нему подходят Булгаков, Курцов и другие заговорщики.

Челяндин. Все знает он.
Булгаков. Как быть?
Курцов. Не выпускать.
Челяндин. Надо
кончать на месте.
Булгаков. Нельзя!
Нас пятьдесят,
их – двести.
Челяндин. А мы без драки, –
польским ядом.

Вынимает из кольца яд. Бросает в большую золотую чашу с вином.

Настасья поднесет.
Из рук ее все примет без оглядок:
царь на девчонок падок.

По знаку Челяндина все возвращаются на свои места. Рассаживаются как ни в чем не бывало. Челяндин, удостоверившись, что все в порядке, идет за царем в опочивальню. Булгаков следит за появлением царя.

Булгаков. Божиею милостию
государю-царю и великому князю
Ивану Васильевичу
всея Руси...

Входит царь. С ним Сокол и несколько опричников.

Хор. ... слава!
слава!
слава!
Да живет наш царь,
наш великий государь!
Царь вседержитель,
Руси повелитель,
врагов победитель,
стран покоритель!
Слава!
Слава!
Слава!

Царь подошел к своему месту. Сел.

Челяндин. Царь-государь!
Ты видишь нас
за дружеской трапезой.
Бьем
челом, –
испить вина
с нами
не побрезгуй.

Челяндин выводит Анастасию. Дает ей чашу с ядом. Анастасия несет ее царю.

Булгаков. Царю-государю
Ивану Васильевичу
всея Руси.
Хор. Слава!
Слава!
Слава!

Иван берет чашу из рук Анастасии. Обращается к Челяндину.

Иван. Благодарю, боярин,
Не мало чаш с тобою мы распили.
Не мало дел великих совершили.
Не мало верст в походах исходили.
И ныне, в день поминный,
помянем дружбу нашу.
Из рук моих прими
и выпей эту чашу.

Дает Челяндину чашу.

Иван. *(к пирующим)*
Эй,
за боярина пейте!
Боярину славу пойте!
Хор. Боярину Челяндину

Ивану Петровичу
слава!
Слава!
Слава!

Челяндин стоит с чашей в руках. Иван смотрит на него в упор. Среди заговорщиков смятение. Челяндин мгновенно колеблется – и решается.

Челяндин. За милость царскую!
За честь боярскую!

Выпивает вино. Падает мертвым. Все вскакивают. Хотят бежать. Но их перехватывают в дверях опричники.

Иван. Куда?
Куда вас понесло?
Не улизнете черным ходом.
На Красной площади
перед народом
ответите за все!

Заговорщиков уводят. Царь удаляется. Лежит мертвый Челяндин. Анастасия в ужасе смотрит на него остановившимися глазами.

Анастасия. Что это?..
Что со мной?..
Словно во сне...
Я несла вино царю, –
не царю,
отцу, –
не вино,
а смерть в вине.

Внезапно из-под стола вылезает на смерть перепуганный Козел. Хватает ее за подол.

Козел. Панночка родимая,
подальше уведи меня.
Сюда войдут,
меня сведут
на казнь
на плаху!
Ай, ай!
умру от страху!

Прижимается к Анастасии.

Анастасия. *(с отвращением)*

Прочь!

Прочь!

Козел. *(угрожающе)*

И тебя под суд!

Ты Челяндина дочь!

Анастасия взглядывает на мертвого отца.

Козел. *(торопливо)*

Нечего раздумывать:

в погреб,
в подполье!
Ночью без шума
выползем в поле.
Наши помогут.
В Польшу уедем.
Господу богу
закажем обедню.
Курбский приданое
даст за тобой.
Будешь коханой
моею женой.

Анастасия пинком отталкивает от себя Козла.

Анастасия. Отойди с поганой речью.
Я таится не хочу.
Я по совести отвечу
и судье,
и палачу.
 Как ты смел,
 проклятый ворог,
 звать боярышню с собой!
 Лебедь я,
 ты – черный ворон.
 Каркнул смертью надо мной.
Мне дела твои понятны.
Не уйдешь ты никуда.
Не сбежишь путем попятным
ты от грозного суда.
 Это ты отца сгубил, –
 польским ядом отравил!

Бежит к дверям.

 Эй, люди!
 Царские люди!
 Ведите нас, –
 пусть царь нас судит!

Козел. *(бросается на нее)*
 Эка девка!
 Пщя крев!

Анастасия. Сокол!
 Спасай меня!
 Ах!

Вбегают Сокол.

Сокол. Попался, лях!

Драка. Сокол убивает Козла. Уводит с собой Анастасию.

З А Н А В Е С

А К Т Ч Е Т В Е Р Т Ы Й

К а р т и н а 6 – а я

Красная площадь в Москве. Стоят телеги. На них захваченные бояре-заговорщики. Их окружают опричники во главе с Соколом. Площадь запружена народом. На Лобном месте дьяки ждут царя, чтобы огласить приговор.

Народ. Ишь, гады подлые!
Родину продали!
Царя предали!
С врагом сведались!

Иван. Народ московский!
Знаешь ты,
как наши деды и отцы
под игом Золотой Орды
томились в тягостной неволе.
И как Димитрий, князь Донской,
громил Мамай.
И впервой
воскресла мощь земли родной
на славном Куликовом поле.
Прошли года.
Умолкла брань.
Татарская забыта дань.
И стали русскими Казань,
и Астрахань,
и воды Волги.
Но будь, о Русь,
на стороже!
Там новые враги уже
стоят на польском рубеже,
ощерясь на Москву,
как волки.
Я собрал большую рать,
чтоб врагов с порога гнать,
чтобы стая
эта злая
не бродила под окном,
не заглядывала в дом.
Этот зверь опасней хана.
Хан с кривою саблей дружит,
а у хитрого
у пана –
огнестрельное оружие.
Я готовил все к походу.
Приготовил все к победе
Чтобы русскому народу
не мешали жить соседи.
Я велел на коней сесть.

И вперед!
На Днепр!
На Неман!
И вдруг
весть:
в Москве
измена!

Народ.

Изменники!
Смерть сброду!
В мешок да в воду!

Иван.

Народа суд правдив и скор.
Дьяки, читайте приговор!

Дьяк.

(читает приговор)

Проведал царь
о замыслах злодейских
боярина Челяндина и иже с ним.
Замыслили они:
людей царевых извести,
царя убить
и дружбу с польским королем свести.
За это Новгород, Полоцк, Псков ему
без боя уступить.
А посему
Царь-государь и судьи
боярина Челяндина и иже с ним
приговорили...

Громкий колокольный звон со всех колоколен Кремля заглушает чтение приговора. В Спасских воротах появляется митрополит Филипп во главе крестного хода. Черное и белое духовенство идет за ним, неся иконы и хоругви.

Филипп.

Безумные!
Остановитесь!
Бога вы забыли!

Дьяк прекращает чтение приговора. Все взоры обращены на Филиппа.

Филипп.

Державный царь!
Ты помнишь ли о том,
что бог тебя в цари поставил,
занеже правдой и добром
ты нами правил.
А до меня дошла молва,
шептали мне, дрожа от страха,
что растревожена Москва,
и новая воздвиглась плаха.

Хор церковн.

Господи боже,
помилуй, спаси,
в царское сердце
кротость всели.

Иван.

Дивлюсь, святой отец,
речам твоим внимая.
Что смыслишь ты,

чернец,
 в делах мирских,
 где злость
 и страсть земная?
Филипп. Мне, чернецу, велит устав
 итти,
 где плач,
 где боль людская.
 И вот пришел, –
 узнав,
 что ты
 невинных
 казни обрекаешь.
Иван. Невинных?!
Народ. Изменники!
 Убийцы!
 Насильники!
 Псы-кровопийцы!
Иван. *(Филиппу)*
 Ты слышишь этот суд?
 Кто судит тут?
 Не я,
 не ты, –
 народ!
 Он правду чует, –
 он не соврет!
Филипп. Опомнись, Иоанн!
 Ты чернь на буйство поднимаешь!
 Боярство древнее шатаешь,
 забыв себя,
 свой род,
 свой сан.
 Подсудных разгляди,
 Одной крови с тобою люди.
 Ты на базарной площади
 своих!
 судом позорным судишь!
Иван. Своих?!
 А кто мне яд давал?
 Кто Русь полякам продавал?!
Филипп. Челяндин мертв.
Иван. *(указывая на заговорщиков)*
 А эти,
 иже с ним?
 Живут,
 и дышат им.
Народ. Тот в пекле.
 И этих туда!
 Одного поля
 ягода!
Хор церковн. Господи!
 Голубем в небе паря,

духом святым сойди на царя.
Филипп. *(мистически, запугивая)*
Помни, царь,
ты царь не навек.
Смертный ты.
Ты – человек.
Бог-Саваоф
на страшном суде
спросит тебя
об их судьбе.
Что ты ответишь
судье своему?
Чем невинных
докажешь вину?

Хор церковн. Кайся, грешник!
Всем, кто грешен,
уготован
ад крошечный.
Век недолог
человечий.
Муки ада
длятся вечно.

Филипп. Послухом мерзким
ум твой отравлен.
Воля царева
ложью подавлена.
Сворой бесовской
царь окружен.
Это от них
по городу стон.
Это они
в злобе своей
темной сплетней
порочат людей.

Сокол. *(дерзко)*
Не сплетню,
правду я сказал.
Я видел их,
я видел их глаза
их злость,
когда они приказ царя читали,
как будто кость,
рыча, глодали.
Мне ясно все без слов.
Изменники они и супостаты.
И в том я дать готов
любые клятвы.
А если нет вины,
пусть поклянутся в том
они!

Иван. *(к заговорщикам)*
Святым крестом

покаяться вы готовы?

Заговорщики в смятении смотрят на Филиппа. Филипп медленно поднимает крест.

Заговорщики. Готовы!
Иван. За мною вторьте, слово в слово.
Клянусь святым крестом,
Заговорщики. Клянусь святым крестом,
Иван. что нет вины моей
ни в чем.
Заговорщики. Что нет вины моей
ни в чем.
Иван. Ни помыслом,
ни делом,
ни в бранном слове...
Заговорщики. Ни помыслом,
Ни делом,
Ни в бранном слове.
Иван. Царю Ивану
смерть я не готовил.
Заговорщики. Царю Ивану
смерть я не готовил.
Иван. Гонцов шляхетских не видал.
Заговорщики. Гонцов шляхетских не видал.
Иван. Полякам городов не уступал.
Заговорщики. Полякам городов не уступал.
Иван. О замыслах Челяндина не знал.
Заговорщики. О замыслах Челяндина не знал.
Иван. Клянусь
и крест на том святой целую.
Заговорщики. Клянусь
и крест на том святой целую.

Филипп опускает крест. Мертвая пауза. Все невольно смотрят на небо, как бы ожидая божьего суда. Но небо молчит. И сразу ликование духовенства.

Хор церковн. Аллилуйя!
Аллилуйя!
Аллилуйя!
Господу слава!
Бога хвалите!
Суд его правый!
Наша защита!

Иван подавлен. Берет из рук дьяка приговор и рвет его.

Сокол. *(запальчиво)*
Не верю!
Клятва – ложь!
Уйти им не позволю.
Иван. Подсудных отпустить на волю.
Сокол. Не отпущу!
Хоть в гроб меня положь!

По знаку Сокола опричники не отходят от бояр-заговорщиков.

Филипп. *(царю)*
Тебе видать,
к какому ты пришел позору?
Свою же свору
в руках не можешь удержать.

Иван. *(грозно)*
Я царь!
Кто смеет надо мной глумиться?!

К опричникам.

Схватить его!
Связать!
В темницу!
Горе вам,
коль вздумаете мне перечить!

Опричники отступают от заговорщиков. Берут Сокола под стражу.

Иван. *(к заговорщикам)*
А вы
ступайте по домам...
до новой встречи!

Хор. Да живет наш царь,
наш великий государь.
Царь вседержитель,
Руси повелитель,
врагов победитель,
стран покоритель.
Слава!
Слава!
Слава!

З А Н А В Е С

А К Т Ч Е Т В Е Р Т Ы Й

К а р т и н а 7 – я

Александровская слобода. Сад. Деревья в желтых и красных листьях. Ранний рассвет. Группа пушкарей, старых и молодых, ждут царя. Медленно идет Иван в черном подряснике и в тафье. Садится на скамью.

Иван. *(не громко)*
Здорово, пушкари,
други ратные.

Пушкарь. С чем пришли?
Чем порадуете?
Мы пушки по Москве искали.
Нашли в подвале,
в челяндином.
Припрятали
псы проклятые.
На пополнение в стан свезут их
пушкарские юнцы.

Показывая на молодых пушкарей.

Иван. Ребята – молодцы!
И с вида недурны,
и нравом круты.
(оживляясь)
Так!
Крепите мощь и силу рати нашей,
чтоб хоть сейчас, немедля в бой,
чтоб враг любой
нам, русским, был нестрашен.
Пушкари. Силой грозна,
духом едина
ждет тебя рать.
В бой поведи нас!
Иван. *(хмуро)*
Ну, с богом
в путь-дорогу.

Пушкари, низко поклонившись, уходят.

Иван. *(в тоске)*
Услышь меня, господь!
Скорбит твой раб.
Хилеет плоть,
и дух ослаб.

Погружен в глубокое раздумье.

Хор. *(за сценой)*
А и скоро ли
солнышко выглянет,
темь-туман
с неба повыгонит?
А и где ты,
солнышко красное, –
светило дневное, ясное?
Засиделось ты,
замешкалось
в золотом дворце,
в алмазной горнице,
где престол твой стоит,
самоцветом горит,

где жар-птица поет,
уйти не дает.
Иван. Покой и тишь господня
живут
сегодня, как вчера,
и завтра, как сегодня.
Всему своя пора
и свой черед.
За днями дни,
за годом год.
Мне бы такой
в душу покой!
Такую мне бы
на сердце тишь, –
как будто в небо
вошел
и стоишь.
Что толку!
Сызмала
умом смелей
и разумом богаче,
я гнул своих людей, –
учил их жить иначе.
Что толку!
Старики во мне
врага наследного узнали.
А сверстники-друзья
от зависти
врагами стали.
Великий замысел
мне бог поведал, –
но замысел свершить
мне силы не дал.
(озирается беспомощно)
Пустыня!
Никого!
Один!
Как зверь в тенетах.

Шум за сценой.

Иван. Эй, кто там?!

Входит опричник.

Опричник. Девка какая-то,
смелая очень.
Лезет,
толкается.
К царю, мол, хочет.

Иван. Смелым почет!
Пусть подойдет.

Входит Анастасия. Падает царю в ноги. Плачет.

Иван. Ты кто?
Зачем пришла?
И плачешь ты о чем?
Чем я могу помочь?

Анастасия приподымается.

Иван. Постой!
Твой облик мне знаком.
Анастасия. Боярина Челяндина я дочь.
Иван. Челяндина?!
Убийцы моего?!
Анастасия. Да, –
его.
Иван. Так это ты
мне подносила яд?!
Анастасия. Да, –
я!
Иван. И смеешь мне глядеть в глаза?!
Анастасия. Да, –
смею!
Иван. Не знала,
что несла?
Анастасия. Не знала.
Иван. Верю,
что не знала, –
что не таила зла!

Анастасия падает царю в ноги.

Иван. Чего ты хочешь?
Анастасия. Милости!
Иван. Хлопочешь
о родичах своих?
Анастасия. Он не родня,
он мой жених.
Иван. Сынок боярский,
белотельный?
Анастасия. Слуга царю он,
воин смелый!
Боец без страха и упрека.
Иван. Кто он?
Анастасия. Опричник Сокол!
Иван. *(недоверчиво)*
Опричника боярышне невесте
сосватал кто ж?
Отец твой?
Врешь, красотка!
Анастасия. Отец меня ударил плеткой,
застав с любимым вместе!

Иван, заинтересованный, участливо вглядывается в Анастасию.

Иван. Вы где ж друг друга встретили?
Друг друга чем приветили?

Анастасия. Ездили мы с нянькой
за реку гулять.
Загулялись.
Глянь-ка,
время вечерять.
Говорим,
гони, мол,
к дому поскорей.
Конюх был молоденький, –
не сдержал коней.
Понесли, –
да к речке.
Морды в мыле.
Крестятся встречные, –
господи, помилуй!
Не видать нам света божьего,
не гулять по бережку,
кабы молодец прохожий,
статный молодец пригожий
не взял коней на скаку.
Стали.
Подошел вплотную.
Глянул
и не сводит глаз!
«Ишь, красавицу какую
я от лютой смерти спас».
С этой встречи
мы слюбились,
обещались,
сговорились.
Все надумали заранее.
Что нам гнев отчий?!
Убежим
и станем
пред царские очи.
Будь отцом нам,
Будь нам сватом.
Сердце с сердцем повенчай.
Царским словом тароватым
мне,
сиротке,
счастье дай!

Иван любит Анастасию. Он растроган. Ему нравится эта смелая, решительная девушка.

Иван. Жених твой Сокол
дерзок и упрям.
При всех царю перечил.
Стыд!
Срам!

Мнил лучше сделать, –
сделал гаже:
ослушался.

Ты что на это скажешь?

Анастасия.

Скажу: –
прости его
и нас соедини.
Один он у меня,
на всей земле один.

Хор.

(за сценой)

Вот оно, солнышко ясное, выглянуло.
Вот оно лучики светлые вытянуло.

Катись, солнышко,
яблоко румяное,
краса небесная,
необманная.

Побежали тучки
во все стороны, –
от белого кречета
черные вороны.

Иван.

(с нежностью)

Девушка смелая,
девушка светлая!
Тебе отказать не могу.
Счастье его, что тебя он встретил.
Коней сдержал на бегу.

Свадьбу справляйте,
любите друг друга
так,
что крепче нельзя, –
так,
чтобы души
туго-туго
вечным узлом связать.

Будете жить,
и жить дадите –
крепкие всходы возрастут.

Да!

От таких, вот,
смелых,
решительных
новые люди пойдут.

Хор.

(за сценой)

В небе высоком
солнце стоит.
Жаркое око
на землю глядит.

Светом горячим
прах напои, –
злакам всходящим
цвель помоги.

Яркий солнечный свет заливает сад, Ивана и Анастасию.

З А Н А В Е С

